12+

БОРИС ЛЬВОВИЧ АНИСИМОВ

КУЛЬТУРА КАПИТАЛА

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ
ДЛЯ ПРАВЕДНОГО СОБСТВЕННИКА

Борис Анисимов

Культура капитала. Христианская политэкономия для праведного собственника

https://litres.ru/74900179
ISBN 9785007164436

Аннотация

Очерк посвящён экзистенциальному выбору отечественного собственника при деглобализации. Автор рассматривает Капитал как овеществлённый Труд прошлых поколений и предлагает ориентиры для сохранения богоугодности хозяйствования через суверенную «культуру Капитала». Интегрируя теорию циклов с христианской этикой, он формулирует 24 принципа, регулирующих отношения собственника с Богом, обществом и государством. В рамках поколенческого горизонта обосновывается христианское очищение фигуры рантье.

Содержание

Культура Капитала 5
Введение. 6
Глава 1. 12
Глава 2. 15
Глава 3. 17
Глава 4. 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Культура капитала Христианская политэкономия для праведного собственника

Борис Львович Анисимов

© Борис Львович Анисимов, 2026

ISBN 978-5-0071-6443-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Культура Капитала
Христианская политэкономия для праведного собственника

Философско-политэкономический очерк

> *«Ибо сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тление, а сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную» (Гал. 6:8)*

Введение.
Понятие культуры капитала

Мир в очередной раз необратимо меняется, чем застаёт врасплох подавляющее большинство людей на планете, хотя базовые процессы структурных изменений в мировой экономике давно описаны. Каждая смена крупных системных циклов разворачивается в уникальных исторических обстоятельствах, отчего переходный период неизменно приносит всем массу неприятных сюрпризов (см. 18-ю главу книги Откровения).

В эпоху деглобализации отечественный собственник оказался перед экзистенциальным выбором. Неолиберальные экономические модели, ориентированные на сиюминутное эгоистическое потребление и вывоз капитала в иностранные метрополии, доказали свою долгосрочную бесперспективность. Российский собственник остался без юридической защиты за пределами Родины, без суверенного права на собственное будущее, без субъектности в мировых процессах, а главное — без духовной опоры и чистой совести.

Эта неприглядная реальность возвращает нас к жестокой истине: невозможно построить прочную экономическую систему, обслуживая интересы чужих финансовых институтов. Либо отечественный собственник осознает себя органической частью своей земли, принимая на себя долг её обу-

стройства, либо он будет окончательно стёрт историческими жерновами наступающей эпохи.

Работа обращена к христианам, участвующим в хозяйственных процессах нашей страны. Впрочем, предложенные тезисы будут полезны любому мыслящему согражданину, ищущему прочные духовно-нравственные ориентиры для укоренения капитала на родной земле и стремящемуся сохранить богоугодность своей деятельности в новых условиях.

Очерк написан с позиций христианской политэкономии. В своё время политическую экономию сбросили со счетов, заменив экономиксом, озабоченным механикой исключительно капиталистического рынка и поиском эфемерного равновесия между спросом и предложением. Политэкономия смотрит глубже — в предельную суть хозяйственных явлений. Она изучает природу собственности, механизмы объединения Труда и Капитала при любой формации, принципы удержания национального богатства и долгосрочного развития. Экономикс — не более чем частный случай в политэкономии. Христианское осмысление политэкономии обнаруживает, что в основе объективных социальных отношений всегда лежит нравственное самоопределение человека с последующей ответственностью перед Богом. Экономика превращается в пространство духовного выбора, где Капитал и Труд определяются не только нормой прибыли, но и праведностью дел.

Хотим мы того или нет, мы живём в век Капитала. Сменяются технологии, лозунги и партийная символика, правила поведения в обществе и законы государства, но не меняется глубинная экономическая реальность — Капитал.

Политическая экономия (политэкономия) как более фундаментальный подход к изучению экономики видит в Капитале концентрированное выражение человеческой свободы, воли и времени. Это овеществлённые часы человеческой жизни, аккумулированный труд, концентрат человеческой энергии, но не только. Прежде всего это отношения между людьми — власть одних людей над временем, трудом и жизнями других. Но это если говорить пафосно. Если говорить простым языком, Капитал — это станки и инструменты, созданные человеком. В современном мире Капитал часто предстаёт в своей наиболее ликвидной форме — в виде денег.

В политэкономической формуле богатства (W) Капитал (K) и Труд (L) взаимодополняют друг друга, но и взаимопротивопоставляются, что стало причиной стержневого конфликта современной цивилизации, — подчинения ценности человеческой жизни абстрактной идее бесконечного роста экономики. По сути, это борьба за право определять цели и смысл человеческого бытия.

$$\mathbf{W = K \times L}$$

В христианской политэкономии Капитал — это овеществлённый Труд человека по преобразованию вверенных Богом ресурсов природы в полезные человеку блага и ценности. В контексте связи поколений Капитал предстаёт как конденсированный Труд предшествующих поколений, предоставленный в распоряжение людям современности.

Капитал, замороженный в физических активах — зданиях, станках, оборудовании — оказался недостаточно подвижным для текущих хозяйственных нужд. Поэтому люди придумали деньги. Вещественный и финансовый капиталы представляют собой органическое единство формы и содержания.

Вещественный капитал — это само осязаемое тело хозяйства. Он представляет собой первичную, субстанциональную форму, в которой труд человека напрямую соединяется с вверенными Богом ресурсами природы. Если применить метафору живого тела, то вещественный капитал — это его плоть, его органы.

Финансовый капитал является информационной и организующей системой хозяйства. Это вторичная, символическая форма, выступающая универсальным эквивалентом и знаком реального овеществлённого труда. В рамках метафоры живого тела финансовый капитал выполняет роль его крови.

Подчеркнём, что Капитал — это тоже Труд. Живой Труд ограничен рамками одного дня или одного производствен-

ного процесса, а Капитал, будучи тем же Трудом, раздвигает эти рамки на столетия.

Значит, политэкономические атрибуты, характерные для живого Труда нынешнего поколения, должны в равной мере распространяться и на Капитал как на застывший во времени Труд прошлых поколений. В частности, если мы говорим, что существует культура Труда, то должны признать существование культуры Капитала.

Культура Труда — это то, как человек работает сегодня, включая честность, мастерство, самоотдачу, бережное отношение к инструментам и уважение к коллегам. Стержнем культуры Труда является этика Труда.

Культура Капитала — это то, как человек обращается с наследием прошлого и применяет его для построения будущего. Такая культура начинается с элементарной благодарности за унаследованные плоды трудов наших предков и реализуется в том, насколько далеко простирается горизонт приложения наших собственных усилий для пользы будущих поколений. Стержнем культуры Капитала должна быть этика Капитала.

Высокая культура Капитала становится фундаментом деятельного патриотизма и гарантом подлинного суверенитета и развития. Это способность человека вырваться из плена эгоистичного «сейчас» и инвестировать свой живой Труд в то, что переживёт его самого. Капитал с максимальным горизонтом планирования выходит за рамки экономического ре-

сурса и становится материализованной любовью к будущим поколениям.

Глава 1.
Логика четырёх квадрантов

В современной литературе деление человеческой деятельности на четыре сектора (квадранта) получило широкую известность благодаря книгам Роберта Кийосаки. За каждым из квадрантов стоит индивидуальная стратегия участия в хозяйственной деятельности. Однако, выступая популяризатором этой схемы, Кийосаки оставил за рамками политэкономическую суть процессов. Доходы левой стороны матрицы (мир Труда) формируются за счёт продажи своего времени. Доходы правой стороны (мир Капитала) требуют принятия на себя рисков неопределённости и институционализации экономических процессов. Культура Капитала держится на доверии к этим институтам. Это значит, что без их системного усложнения и делегирования культура Капитала невозможна.

Левая сторона матрицы (мир Труда):

Квадрант E (Employee): наёмный работник продаёт время за деньги. Люди меняют своё личное время на доход в настоящем моменте, оставаясь вне логики долгосрочного удержания ресурсов. Зачастую это положение не является результатом свободного выбора, а диктуется жёсткими жизненными обстоятельствами и давлением среды. Подавляющее число людей участвуют в экономике именно в рамках

этого квадранта.

Квадрант S (Self-Employed): самозанятый (ремесленник, специалист) сам создаёт себе рабочее место. В обыденном сознании часто романтизируется образ мелкого мастера, работающего на себя. Деятельность такого мастера привязана к его личному времени и здоровью, а прекращение его личного труда означает исчезновение доходов. Спекулянт, как бы удивительно это ни было, тоже относится к этому квадранту.

Правая сторона матрицы (мир Капитала):

Квадрант B (Business Owner): собственник бизнеса выходит за рамки индивидуального хозяйства, аккумулируя ресурсы и управляя живым Трудом других людей. Созидательные усилия собственника облекаются в институциональные формы. Капитал организует Труд в устойчивые структуры, которые могут пережить своего создателя.

Квадрант I (Investor): инвестор (или рантье) владеет долями в созданных структурах (вплоть до 100%), превращая разрозненные сбережения в долгосрочные ресурсы для развития. Ключевую роль здесь играют системные инвесторы. Пока рядовые держатели капитала решают локальные финансовые задачи, системные инвесторы обеспечивают прочность макросистемы, удерживая ресурсы в долгосрочных проектах стратегического значения. Именно на этом этапе Капитал окончательно отрывается от сиюминутного потребления и становится фундаментом для суверенитета страны.

Обратите внимание на разницу со спекулянтом в квадранте S — это важно! Это мы обсудим подробнее в главе 10.

В реальном мире человек может совмещать участие в нескольких квадрантах сразу. Более того, органичное включение Труда в дела Капитала имеет принципиальное значение. Именно так разрозненные сбережения миллионов граждан превращаются в монолитный фундамент, удерживающий национальную экономику.

Глава 2.
Диалектика длинного горизонта

Количество Капитала измеряется его объёмом, а его качество — временной глубиной и субъектностью. Длина горизонта планирования собственника — это точный показатель его суверенной зрелости.

В рамках этого очерка я не ставил себе задачу разобрать все теории циклов. Их много, и, по сути, изучению их переплетений нужно посвящать отдельную большую работу. Но даже беглого взгляда на циклы разной длины достаточно, чтобы убедиться, что собственники ведут себя по-разному в зависимости от того, на цикл какой длины они ориентируются.

Я в некоторой степени условно взял теории разных авторов: от теории краткосрочных циклов Джозефа Китчина и теории ликвидности Джона Мейнарда Кейнса до концепций среднесрочных циклов Клемана Жюгляра, длинных волн Николая Кондратьева и системных циклов Джованни Арриги. Повторю, что их системное изучение не ставилось в задачу.

И что же я увидел? Наглядно работает закон диалектики: количество переходит в качество.

Краткосрочный горизонт (0—3 года): Капитал стремится к абсолютной ликвидности. Короткие деньги стериль-

ны, трусливы и бегут за рубеж при первом оклике иностранного регулятора, полностью отрицая саму суть культуры Капитала. Такой Капитал напоминает летучий газ: стоит неплотно закрыть крышку — и он мгновенно испаряется. Капитал не укоренён и созидательной силой не обладает.

Среднесрочный горизонт (5—10 лет): Капитал становится прагматичным, заземляется в реальные активы (здания, оборудование, технологические процессы) и начинает требовать институциональной защиты, а Труд приобретает статус ценного ресурса.

Долгосрочный горизонт (25—50+ лет): Длинные деньги направляются в материальный фундамент территории: тяжёлое машиностроение, энергетику, генетику, логистику и фундаментальную науку. Эти проекты создают технологическую независимость на поколения вперёд. Капитал оперирует категориями преемственности поколений и требует геополитической стабильности. Обязательными будут значительные и целенаправленные инвестиции в качество Труда (т. е. в развитие человека).

Диалектика длинного горизонта заключается в том, что увеличение масштаба времени меняет мотивы собственника и увеличивает потребность в институционализации. Чем длиннее горизонт, тем более значительную роль играет государство. А поколенческий горизонт планирования без сильного государства и геополитической поддержки с его стороны невозможен совершенно.

Глава 3.
Цикл накопления и «осень гегемона»

На этапе своего подъёма страна, претендующая на статус мирового гегемона, обязана удерживать максимально широкий горизонт планирования, предлагая миру принципиально новую и более эффективную систему организации хозяйства. Однако эта высокая культура Капитала не вечна — она деградирует по мере насыщения реального сектора экономики, когда падение нормы прибыли неизбежно выталкивает Капитал в сферу финансовых спекуляций. Периферия же мировой системы испытывает недостаток средств, из-за чего стабильно демонстрирует низкую культуру Капитала на всех этапах цикла.

Чтобы понять эти процессы, предложу обратиться к мир-системному анализу Джованни Арриги, изложенному в его труде «Долгий двадцатый век». Арриги исследовал эволюцию ведущих мировых держав-гегемонов (Генуи, Голландии, Великобритании и США) и выявил закономерность развития системных циклов накопления. Каждая глобальная система последовательно проходит две фазы: материальную экспансию (М → С) и финансовую экспансию (С → М»).

На материальной стадии гегемон демонстрирует высокую

культуру капитала. Инвестиционный горизонт широк: ликвидность направляется в реальный сектор и инфраструктурные проекты, а прибыль извлекается из материального преобразования пространства и расширения производства. Деньги удерживают свою созидательную, вещественную форму.

Однако со временем реальный сектор достигает насыщения, конкуренция возрастает, а норма прибыли падает. Наступает «осень гегемона». Система вступает в стадию финансиализации: Капитал сбрасывает материальную форму, стремясь освободиться от привязки к заводам и земле, и уходит в финансовые спекуляции. Марксова формула «деньги — товар — деньги» заменяется формулой, по которой деньги делают деньги напрямую из денег, минуя производство.

Именно «осень гегемона» мы наблюдаем сейчас в мировой экономике. Внешние механизмы накопления перестают быть источником национального развития. Кто-то даже скажет, что они таковыми на деле никогда не являлись. В этом утверждении тоже есть большая доля истины. Поэтому всё острее ставится вопрос о создании автономной и суверенной системы генерации и удержания Капитала.

Необходимой будет и трансформация финансовой системы как знаковой системы Капитала к обслуживанию задач национального капиталообразования вместо трансляции спекулятивных сигналов внешних рынков. Такая трансформация будет невозможна без суверенной денежной эмиссии,

независимой от накопления иностранных финансовых активов, и без использования внутренних ресурсов в качестве первичного денежного обеспечения (в том числе и через местный рынок ценных бумаг).

Глава 4.
Трагедия преемственности больших систем

Изучая историю формирования отечественного экономического сознания, мы обнаруживаем парадоксальную картину: на протяжении долгого времени российского человека убеждают, что существует только культура Труда. Способность к формированию и удержанию долгосрочных ресурсов считается неважной или даже враждебной его интересам. В результате каждый поворот истории лишь консервировал психологию выживания и обнулял едва зародившуюся культуру долгосрочного собственника.

В досоветский период мирянам на уровне приходской педагогики внушалась монашеская аскетика, которая по определению игнорирует культуру Капитала. Проповедь опиралась на опыт феодальной экономики, в которой роль Капитала была ещё не столь велика, поскольку повседневная жизнь строилась вокруг натурального крестьянского хозяйства.

Можно заметить досадную подмену понятий. Свободный духовный выбор человека стать монахом-бессребреником — это его личное священное право. Однако вопросы управления ресурсами при этом никуда не исчезают — отказываясь

от личного имущества, монах лишь передавал эти обязательства на уровень монастыря. Сами же монастыри исторически выступали крупнейшими экономическими субъектами — они владели землями, осваивали новые технологии и организовывали сложные производства, вели оптовую торговлю и структурировали хозяйственную жизнь целых регионов. Похожие процессы происходили и у старообрядцев, когда системным субъектом деловой жизни выступала община, совокупный капитал которой складывался из долей, принадлежавших отдельным домохозяйствам.

По мере исторического развития промышленной экономики Капитал стал играть определяющую роль в жизнеобеспечении общества. Русская религиозно-философская мысль пошла вразрез с приходской педагогикой, открыто признав эту реальность. В трудах Сергея Булгакова, Владимира Соловьёва и Семёна Франка дискуссия была переведена на совершенно иной уровень. Понимая, что живой человеческий Труд изначально созидателен и сакрален, философы признавали, что его застывшая, овеществлённая форма — Капитал — в условиях индустриальной экономики склонна вести себя принципиально иначе. Она отчуждается от человека и может превращаться в автономную, разрушительную силу. Поэтому они подчёркивали необходимость непрерывно одухотворять капитал, не позволяя ему потерять изначальную сакральность Труда. Однако эта высокая мысль осталась достоянием интеллектуальной элиты. Она так и не спустилась

на уровень массовой проповеди.

В советский период официально признавалась только культура Труда. Но Капитал оставался важным двигателем отечественной истории. СССР выстроил великую культуру Капитала, но исключительно на высоком государственном уровне: пятилетнее планирование, крупные инфраструктурные проекты, ТЭК, тяжёлое машиностроение, ВПК и многое, многое другое. Плодами этих усилий мы пользуемся до сих пор. По сути, государство взяло на себя роль капиталиста. Оно было монопольным инвестором (I) и основным работодателем (B), оставляя подавляющее большинство граждан на уровне наёмных работников (E). Это даёт веские основания в очередной раз поднять дискуссионный вопрос о квалификации советской экономической системы именно как государственного капитализма, маскировавшегося под социализм. Лишь ничтожная часть населения была задействована в секторе самозанятых (S), в то время как большинство, оставаясь в секторе наёмных работников (E), так и не приобрело опыта самостоятельного создания, защиты и удержания долгосрочной собственности. Когда рухнуло государственное управление экономикой, дезориентированное население оказалось лицом к лицу с реалиями дикого капитализма — без собственности и надёжных инструментов выживания.

Постсоветский период характеризовался совокупностью внутренних и внешних обстоятельств, совершенно не способствующих развитию культуры Капитала.

На внешнем контуре мировая система, вступив в «осень гегемона» (по Арриги), искала новые рынки сбыта продукции и спроса на избыточную долларовую массу. Постсоветское пространство было назначено гигантским донором, на территории которого не должно было появиться сильного национального производительного Капитала, способного конкурировать с ТНК. Местная элита изначально лишалась права на долгосрочную стратегию и суверенитет, поэтому государственные институты под диктовку извне сознательно создавали компрадорский «зависимый капитализм». Активно внушаемая «культура ликвидаторов» получала официальное оправдание идеологией неолиберального фундаментализма, радикального индивидуализма и социального дарвинизма («выживает сильнейший»).

На внутреннем контуре постсоветская элита с великим энтузиазмом приветствовала «достоинства» неолиберализма: приватизацию, глобализацию и рынок. На деле это означало частное присвоение государственного имущества, вывоз средств за рубеж и отсутствие какой-либо ответственности за состояние экономики. Капитал сознательно отказывался от физического укоренения (заводы, инфраструктура) и принимал форму сверхликвидных финансовых потоков, готовых к моментальной эвакуации — срочно, пока не отобрали. Компрадорская, «рентная» буржуазия, хвастаясь своим сверхпотреблением, вывозила в метрополию не только свои состояния, но и своих детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.